

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2021.5.32.6

УДК 93/94:364.054(470) | ББК 60.561.7:63.3-76(2Рос)

© Уханова Ю.В., Смирнова Н.С.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОБРОВОЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ В РОССИИ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ (ОПЫТ РОССИЙСКОГО РЕГИОНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)

ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА УХАНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
г. Вологда, Российская Федерация
e-mail: ukhanova4@rambler.ru
ORCID: [0000-0001-7307-9520](https://orcid.org/0000-0001-7307-9520); ResearcherID: [Q-7225-2017](https://orcid.org/Q-7225-2017)

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА СМИРНОВА

Вологодский государственный университет
г. Вологда, Российская Федерация
e-mail: ns_history@mail.ru
ORCID: [0000-0001-5762-3768](https://orcid.org/0000-0001-5762-3768)

Гражданская самоорганизация на местном уровне по праву признается одним из важнейших нематериальных факторов общественного развития в современный период. Для понимания сути этого социального феномена, эффективного использования его потенциала представляется полезным апеллировать к историческому опыту. Статья посвящена выявлению особенностей деятельности добровольных общественных ассоциаций в российском социуме на локальном уровне второй половины XIX – начала XX века. Эмпирический анализ осуществлен на материалах Вологодской губернии: архивных источниках (Государственный архив Вологодской области), опубликованных уставах и отчетах различных добровольных обществ, периодических изданий (Памятные книжки Вологодской губернии, Вологодские епархиальные ведомости). Посредством исторически-сравнительного метода выявлено, что в губернии, главным образом в городской среде, в исследуемый период функционировала довольно обширная, разнообразная сеть добровольных ассоциаций, деятельность которых сводилась не только к помощи неимущим, больным,

бездомным, пострадавшим от стихийных бедствий и т. п., но и развитию образования, просветительства и культуры. Общественные организации возникали и осуществляли свою деятельность в первую очередь при поддержке государства, органов местного самоуправления, православной церкви. Кроме того, большую роль в развитии ассоциированного участия играли местные предпринимательские круги. Таким образом, есть основания утверждать, что организация деятельности добровольных ассоциаций на местах строилась на принципах межсекторного взаимодействия (власть, коммерческий сектор, структуры гражданского общества). Изучение подобного опыта взаимодействия имеет теоретическое и практическое значение для выявления перспектив развития добровольных общественных ассоциаций (организаций) в современной России.

Добровольные ассоциации, гражданское участие, общественное призрение, благотворительность, межсекторное взаимодействие.

Введение

В России в последние годы в условиях поиска ресурсов для осуществления «российского прорыва», направленного, в первую очередь, на улучшение качества жизни населения, наблюдается актуализация внимания к нематериальным факторам развития [1]. Особое значение в реализации общенациональных и региональных приоритетов приобретают гражданская самоорганизация, участие местного сообщества в развитии своих территорий, солидарная активность [2]. Для понимания особенностей гражданской самоорганизации, барьеров и перспектив развития этого социального феномена в России в современный период целесообразно апеллировать к историческому опыту, сформировавшемуся в предыдущие периоды.

В исследовании исторический обзор сделан преимущественно с акцентом на институционализированные формы вовлеченности населения в решение общественно значимых проблем. При этом основное внимание уделяется структурам, в той или иной степени сопоставимым с ассоциированными социальными практиками в современном понимании (деятельность добровольных ассоциаций – общественных организаций и гражданских инициатив). Именно добровольные ассоциации, на наш взгляд, выступая институциональной основой гражданского участия, призваны совместно с государством решать актуальные проблемы в различных общественных сфе-

рах, привлекая существенные человеческие и финансовые ресурсы [3].

При изучении исторического опыта развития общественного сектора в России особый интерес представляет период, охватывающий вторую половину XIX – начало XX века (условно до 1917 года), когда была подведена законодательная база под образование и законную деятельность сектора, а значимость гражданской инициативы и самоорганизации была признана как государством, так и общественными деятелями.

Проблема развития добровольного ассоциированного участия в форме благотворительных и общественных организаций и обществ в России во второй половины XIX – начале XX века получила широкое освещение в научной литературе. В дореволюционной историографии большое количество работ было посвящено вопросам общественного попечения и частной благотворительности [4–8].

Особенности общественного призрения в царской России изучали западные исследователи начала XX столетия. В их трудах выявлена преобладающая роль императорского дома в развитии социальной помощи и разнообразных форм деятельности российских общественных организаций [9; 10]. Л. Хэфнер, напротив, считает более адекватным реалиям поздней имперской России понятие «местное общество». Иначе говоря, он признает наличие гражданского общества на местах, в отдельных губернских и уездных центрах, но отказывает ему в существо-

вании в общеимперском масштабе ввиду отсутствия форм и сетей коммуникаций на межрегиональном уровне. Российское местное общество, являвшееся эквивалентом европейского буржуазного общества, не выполнило, по мнению Хэфнера, свою историческую роль. Будучи аморфным и малочисленным (к примеру, по подсчетам автора, всего 1,5–2% от численности городского населения Казани и Саратова), оно не сумело стать интегрирующей третьей силой между властью и массами, в результате чего и «было раздавлено этими жерновами» [11].

В советской исторической науке вопросы организации призрения нуждающихся, благотворительности, добровольных ассоциаций царской России не представлялись особенно актуальными, однако отдельные сюжеты взаимоотношения власти и общественных организаций, истории развития общественного движения получили освещение в работах исследователей [12].

В постсоветский и современный периоды в научном дискурсе актуализируется проблематика, посвященная как в целом развитию общественного сектора во второй половине XIX – начале XX века [13–16], так и общественно значимой деятельности со стороны отдельных сословий [17–19]. В исследовательском поле поднимаются вопросы законодательного оформления деятельности добровольных ассоциаций царской России [20]. В целом ряде работ затронута роль женщин в деятельности добровольных ассоциаций [21–23].

Несмотря на значительный интерес ученых к опыту развития ассоциированного общественного сектора России во второй половине XIX – начале XX века, в научной литературе недостаточно внимания уделяется проблеме местного уровня в социально значимой деятельности. В то же время именно на уровне повседневности наиболее заметна роль гражданской самоорганизации.

В статье поставлена цель рассмотреть деятельность добровольных общественных ассоциаций в российском обществе второй половины XIX – начала XX века на материалах Вологодской губернии¹. В своем исследовании мы исходим из понимания того, что деятельность общественных организаций является частью ассоциированного или институционального гражданского участия – процесса, посредством которого объединения, группы и отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством и другими социально-политическими институтами для решения общественно значимых задач. В форме коллективных и индивидуальных действий гражданское участие способствует социально-экономическому развитию, поскольку инициативы активных, информированных и критически настроенных граждан помогают объединить ресурсы для решения актуальных проблем на местном уровне [24–26]. Представляется, что наибольшей значимостью обладает такая форма гражданского участия, как участие в сообществах и объединениях (так называемое ассоциированное участие), т. к. оно позволяет реализовать потребность, которая не воплощается в полной мере в других практиках участия. В частности, это идентификация с группой, доверие к ней и лояльность, даже если группа представляет собой лишь «ассоциацию в обыденной жизни» [27]. Именно практики ассоциированного участия обладают наибольшими устойчивыми связями, они требуют определенной регулярности и принадлежности.

Информационная база исследования

Для изучения деятельности добровольных ассоциаций в России в исторической ретроспективе применяется метод сравнительно-исторического анализа различных источников. Источниковедческий анализ представляет собой использование материа-

¹ Вологодская губерния учреждена в 1796 году как самостоятельная административная единица с административным центром – городом Вологда. В конце XIX – начале XX века в состав губернии входило 10 уездов: Велико-Устюжский, Вельский, Вологодский, Грязовецкий, Никольский, Сольвычегодский, Тотемский, Усть-Сысольский, Яренский и, кроме 10 уездных городов (в том числе губернского), имелись три заштатных: Верховажский Посад, Красноборск и Лальск. Территориальная история // Исследовательский проект «РУНИВЕРС». URL: <https://runivers.ru/doc/territory/362044>

лов Государственного архива Вологодской области, ранее не вводимых в научный оборот, следующих фондов: фонд 475 – Вологодская городская управа; фонд 476 – Вологодская городская дума, фонд 376 – Вологодское отделение государственного банка, Ф. 33–54 – фонды земских собраний и земских управ. Особый интерес при изучении деятельности богаделен и вопросов оказания помощи общественным организациям представляют материалы Вологодских епархиальных ведомостей. Для исследования деятельности конкретных обществ использовались Отчеты Вологодского благотворительного общества; Отчеты Вологодского женского благотворительного общества; Памятные книжки Вологодской губернии (издания Государственного статистического комитета, в работе использовались выпуски с 1861 по 1916 год).

Результаты эмпирического исследования

Имеющиеся источники позволяют проследить историю развития добровольных

ассоциаций как ресурса развития российского общества. Следует отметить, что в отечественной литературе существуют различные подходы к построению периодизации развития общественного сектора в России. Часть российских исследователей полагает, что периодизацию благотворительной и общественной деятельности в российском обществе следует рассматривать еще с дохристианского периода (IX–X вв.), когда складывались практики взаимопомощи внутри родовой общины [28].

Безусловно, на различных этапах отечественной истории (даже самых ранних) имеется немало свидетельств как спонтанных, так и организованных проявлений социальной самоорганизации, однако многие из них с трудом укладываются в современное понимание ассоциированного участия. В связи с этим мы придерживаемся подхода А.С. Тумановой и вслед за автором обозначаем следующую периодизацию в развитии добровольного ассоциированного участия (рис. 1).

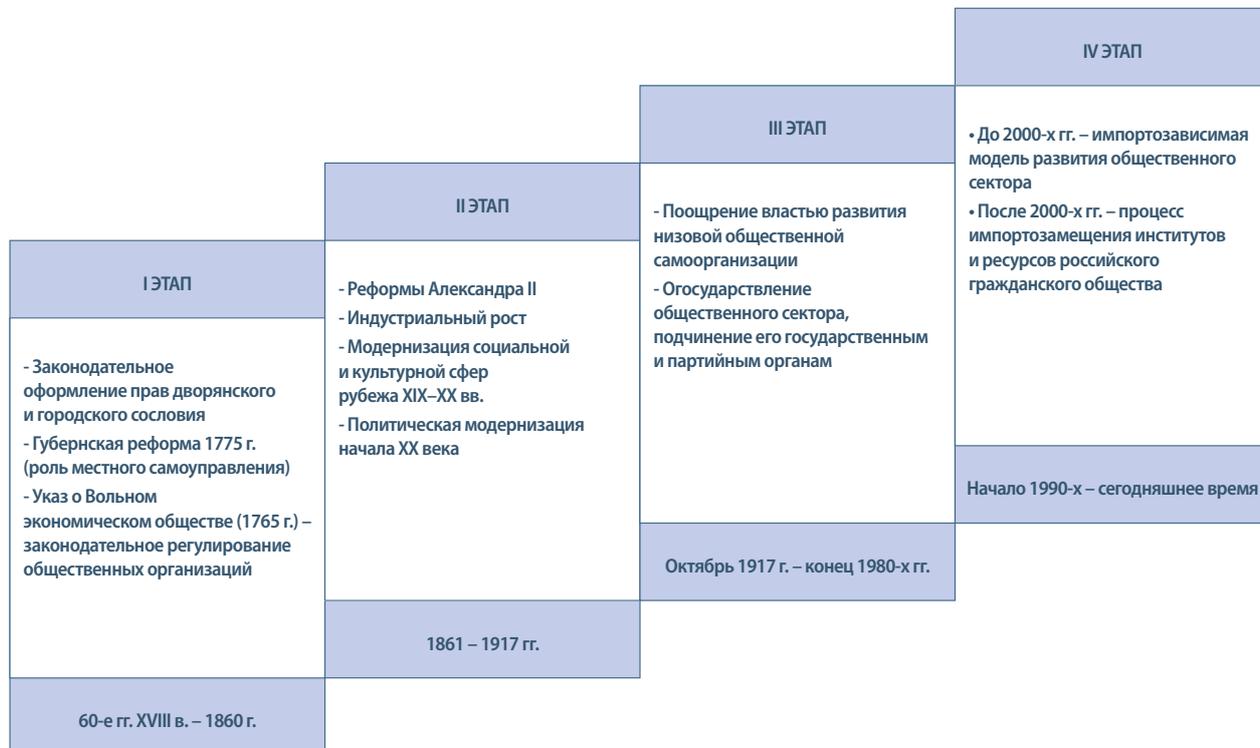

Рис. 1. Периодизация институционализации сферы добровольного ассоциированного участия в России

Составлено по: Гражданское общество в модернизирующейся России / Л.И. Яковсон [и др.]. М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 12–20.

Первый этап (60-е гг. XVIII века – 1860 год). В это время складывались предпосылки институционального развития ассоциированного общественного участия в России, формировались законодательные основы для деятельности общественных организаций. Социальная помощь и поддержка признавались значимыми элементами политики «просвещенного абсолютизма» [29].

Второй этап (1861–1917 гг.) характеризовался профессионализацией и демократизацией российской общественности, расширением сферы ее деятельности, интенсивным вовлечением различных социальных групп в общественную самодеятельность [9]. Важнейшее значение в этом направлении имели реформы 1860–1870-х гг., когда целью национального развития стала идея, заключающаяся в необходимости усилить участие общества в значимых социальных проектах и освободить государство от решения части социальных вопросов [30].

Третий этап (октябрь 1917 года – конец 1980-х гг.) развития гражданского участия характеризуется тотальным огосударствлением этой сферы. Наряду с активным развитием различных форм помогающего поведения общественно-публичное пространство страны наполняется квазигражданскими организациями, объединениями, движениями, которые строго контролируются государством [31, с. 192–193].

Четвертый этап (начало 1990-х гг. – до сегодняшнего времени) начался в условиях, когда остро обозначилась экономическая стагнация и кризис легитимности власти. При этом, как отмечают Л.И. Якобсон и С.В. Сагович, если для 1990-х годов была характерна импортозависимая модель развития российского гражданского общества, то в 2000-е гг. в стране развивается процесс импортозамещения, когда ведущая роль в финансировании НКО переходит от зарубежных источников к отечественным [32].

Таким образом, на различных исторических этапах происходило постепенное формирование институциональной среды для деятельности общественных организаций, причем, как показывает анализ, для каждо-

го периода была характерна своя специфика в гражданской самоорганизации, преемственности (за исключением первых двух этапов) не наблюдалось.

Особенностью второго этапа (1861–1917 гг. – период, отобранный для настоящего исследования) являлось то, что гражданское участие местного населения заполняло ниши в социальной сфере (социальная защита, образование, наука, здравоохранение и др.), которые государство не обслуживало либо обслуживало чрезвычайно слабо. Действительно, в дореволюционной России не существовало развитой государственной системы социального обеспечения, в силу чего социальным обеспечением занимались организации взаимопомощи, оказывавшие материальную (выдача ссуд, пособий, пенсий утратившим трудоспособность членам, их вдовам и сиротам и др.), интеллектуальную и просветительскую помощь (обучение, устройство различных форм проведения культурного досуга, таких как спектакли, концерты, вечера и др.) представителям нуждающихся групп населения [14]. К 1917 году к развитию институционализированных форм конструктивной гражданской активности добавился масштабный спектр политического участия в виде протестных практик, что обернулось формированием массовой базы радикальных партий и разворачиванием революционного движения. По критическому замечанию Дж. Бредли, «в период заката царского режима гражданское общество в России оказалось неспособным не только защитить государство, но и само себя» [13, с. 79].

Прежде чем перейти непосредственно к проблеме добровольных ассоциаций, представляется интересным рассмотреть некоторые особенности общего социального фона формирования гражданской самоорганизации в Вологодской губернии по сравнению с общероссийской ситуацией. В первую очередь учитывается уровень урбанизации и грамотности населения региона, что, на наш взгляд, является важнейшим фактором развития гражданского общества и участия в целом. По данным Всеобщей переписи населения 1897 года в Российской империи

Таблица. Некоторые показатели социально-демографического развития страны и региона по данным переписи населения

Территория	Всего численность населения, чел.	Мужчин, %	Женщин, %	Доля городского населения, %	Уровень грамотности (образования*), %
Российская Империя	125640000	49,7	50,3	13,3	21,1
Вологодская губерния	1341800	47,4	52,6	4,7	11,3
г. Вологда	27700	51	49	–	36
Для сравнения (2010 год): РФ	142856536	46,2	53,8	73,7	97
Вологодская область	1202444	46	54	70,7	95,9

* По данным переписи 1897 года указана доля грамотного населения, 2010 года – доля населения, имеющего образование от начального уровня и выше.
Составлено по: Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 1. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905; Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года (Губернские итоги). Т. 1–89. СПб., 1903–1905; Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года // Демоскоп. Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: <http://www.demoscope.ru>

проживало 125640000 чел., преимущественно в сельской местности (доля городского населения составляла всего 13%; для сравнения: по данным Всероссийской переписи 2010 года – 73,7%; табл.). Обращает на себя внимание низкий уровень грамотности социума той эпохи – менее четверти населения (21%) в той или иной степени относились к категории «грамотных». Для сравнения: по данным 2010 года уровень образования населения страны (доля населения от 9 лет, имеющего образование от начального до высшего) составил 97%.

Во второй половине XIX – начале XX века Вологодская губерния значительно отставала от общероссийских показателей и по уровню урбанизации (доля городского населения составляла не более 5%), и по уровню распространения грамотности (доля грамотного населения – 11%). В губернском городе Вологде удельный вес грамотного населения был значительно выше (36%), что характерно для городских жителей Российской империи (в целом по стране в городах доля грамот-

ных достигала 45%²). Таким образом, гражданская самоорганизация в губернии в изучаемый период формировалась в условиях неразвитости урбанизации и низкого уровня грамотности среди местного населения.

В ходе анализа исторических материалов по Вологодской губернии выявлено, что наиболее заметной и масштабной деятельностью общественных организаций была в тот период в губернском городе Вологде, в силу наличия широкого слоя образованной интеллигенции, общественных покровителей, финансовой поддержки со стороны органов власти и самоуправления. Этот вывод коррелирует с общероссийскими данными: территориально благотворительные учреждения функционировали преимущественно в городской России. К примеру, в Российской империи к началу XX века из 11040 благотворительных учреждений в городах располагалось 7998 (72,4%), вне городов – 3042 (27,6%) [33].

В Вологодской губернии в XIX – начале XX века, как и в других российских провин-

² Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 1. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905.

циях, общественные организации подразделялись на две большие группы. Во-первых, это отделения центральных добровольных ассоциаций, таких как Российское общество Красного Креста, Правление общества спасения на водах, Совет попечительства о слепых. Во-вторых, общественные организации, созданные по инициативе местной власти и общественности. Как показал анализ, наиболее значимыми в губернии являлись следующие организации: богадельни, Вологодское благотворительное общество, Вологодское женское благотворительное общество, Общество вспомоществования нуждающимся в народных (начальных) училищах, общество врачей лечебницы для приходящих больных, Повивальная школа, Воспитательный приют для круглых сирот. Эти добровольные ассоциации играли большую роль, т. к. объединяли значительные интеллектуальные и материальные ресурсы. С их помощью местная власть решала многочисленные и сложные социальные проблемы в губернии.

Каждое общество действовало на основе устава, который разрабатывался инициативной группой, обсуждался на заседаниях городской думы, утверждался губернатором, а затем центральными ведомствами [20]. Как отмечают вологодские краеведы Ф.Я. Коновалов, Л.С. Панов, Н.В. Уваров, устав определял основные цели общества, среди них – «доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных всех сословий, принятие мер для искоренения нищенства» [34]. В 1892 году был принят унифицированный «Устав общественного призрения» – единственный в истории царской России нормативно-правовой акт, наиболее полно регламентирующий общественную благотворительную деятельность. Он устанавливал общие принципы управления сектором, определял сферу деятельности местного управления, способы финансирования и возможности принятия пожертвований. Вторая часть данного акта

содержала уставы частных заведений общественного призрения, на особых основаниях управляемых³.

Таким образом, основными принципами ассоциированной общественной деятельности в те годы одновременно выступали добровольность, подчиненность и плотное взаимодействие с государственной властью, нормативно-правовая регламентация.

В Вологодской губернии в XIX веке одной из наиболее распространенных форм добровольных ассоциаций, осуществляющих помощь нуждающимся, продолжали оставаться богадельни – благотворительные заведения для содержания нетрудоспособных лиц (престарелых, немощных, инвалидов, калек и т. д.).

Значимым направлением социальной деятельности в исследуемый период являлась забота о пожилых людях. Ей занималась первая из богаделен, основанная еще в конце XVII века архиепископом Симоном и располагавшаяся в Горне-Успенском женском монастыре. В ней были призреты 12 престарелых и увечных женщин. Им ежегодно выдавали из архиерейского дома определенное количество хлеба, денег и дров⁴.

Заботой о бедных гражданах занималась богадельня близ церкви Николая Чудотворца на Сенной площади, открытая на средства архиерейского дома для призрения бедных граждан г. Вологды обоюбого пола. Она получала содержание из архиерейского дома и городского общества. В конце 90-х гг. XIX века в ней находилось 25 человек: 7 мужчин и 18 женщин, в том числе 8 детей. Питались мирским подаванием, а малолетние – от дома архиерейского. Когда основана и когда упразднена эта богадельня – неизвестно⁵.

Социальную помощь женщинам предоставляла богадельня, находившаяся при церкви Николая Чудотворца на Глинках. Кем, когда она была основана и когда упразднена – неизвестно, но в XIX веке она еще существовала. В архиве консистории сохранилось прошение священнической вдовы о «дозволении ей после двадцати восьми лет вдов-

³ Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 13.

⁴ Старая Вологда XII – начало XX в.: сборник документов и материалов. Вологда: Легия, 2004. С. 336, 506.

⁵ Там же. С. 509.

ственной жизни, по старости и ослаблению сил, проводить остаток дней своей жизни в духовной его Преосвященства в Глинковской богадельне»⁶.

Помощью нуждающимся женщинам также ведала Витушешниковская богадельня, которая была построена и открыта в 1836 году на средства потомственной почетной гражданки купчихи 1-й гильдии вдовы Афиньи (Евфимии) Петровны Витушешниковой⁷.

Отдельную помощь оказывали инвалидам-слепым в частной богадельне, построенной на средства московского купца 1-й гильдии Н.В. Немирова-Колодкина и открытой в 1880 году. На строительство и содержание призреваемых (25 человек) было пожертвовано 42 тыс. руб. Кроме того, в своей духовной он завещал 30 тыс. руб. неприкосновенного капитала, проценты с которого «повелел употреблять на содержание призреваемых слепых всех сословий женщин и 10 тыс. руб. процентными бумагами на расширение и ремонт зданий той же богадельни»⁸.

В 60-е гг. XIX века в Вологде в ведении Приказа общественного призрения находились общественная богадельня и две частные – Витушешниковская и Скулябинская. В общественной богадельне содержались 8 мужчин и 22 женщины, в Скулябинской – 10 мужчин и 14 женщин, в Витушешниковской – 20 женщин. Также Витушешниковы выделяли пособие 83 мужчинам и 142 женщинам от 30 коп. до 1 руб.⁹

Богадельни получали значительные средства от Вологодского городского общественного банка (1788–1919 гг.), деятельность которого заключалась в выделении на благотворительные цели процентов, полученных с капиталов жертвователей, в основном на вечные времена. Одними из самых крупных благотворителей были потомственный почетный гражданин купец В.И. Грудин;

московский, бывший вологодский, купец, мануфактур-советник, потомственный почетный гражданин И.А. Колесов; купец И.В. Шапошников. По их духовным завещаниям проценты с капиталов соответственно в 20, 33, 10,5 тыс. руб. поступали на разные благотворительные цели: «на платежи за бедных здешних мещан, малоприходским церквям г. Вологды» и др. Через банк проходили и коллективные пожертвования. Так, в 1861 году от лиц городского сословия было пожертвовано на призреваемых в общественных богадельнях 2580 руб.¹⁰

Большую часть капитала богаделен составляли частные пожертвования. Одним из крупных жертвователей был купец 2-й гильдии Василий Алексеевич Леденцов. В его духовном завещании записано: «Предоставить брату Семену Алексеевичу и жене Ольге Ивановне внести в Вологодский городской общественный банк на «вечные времена» 9 тыс. руб. серебром с тем, чтобы на проценты этого капитала содержать в городской богадельне такое количество призреваемых из природных мещан, какое смотря по количеству капитала будет возможно». Попечительный совет, рассмотрев заявление душеприказчика Василия Леденцова Семена Леденцова, постановил: «Из процентов капитала – 450 руб. в год поместить в городскую общественную богадельню в первый год 8 стипендиатов имени В.А. Леденцова, а в последующие годы – от 8 до 10 человек»¹¹.

Как следует из различных источников, значительное распространение в сфере деятельности добровольных ассоциаций в губернии получила социальная поддержка нуждающихся детей. Социальной опекой и воспитанием детей-сирот и детей из бедных семей занималось Вологодское благотворительное общество, созданное в 1874 году. В ведении общества находились «Убежище

⁶ Вологодские епархиальные ведомости. 1890. № 2. С. 235–239.

⁷ Вологодские губернские ведомости. 1848. № 13. С. 147–149.

⁸ Государственный архив Вологодской области. Фонд 475. Вологодская городская управа. Оп. 1. Д. 114. Л. 20.

⁹ Государственный архив Вологодской области. Фонд 489. Вологодский попечительский совет о городских богадельнях. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

¹⁰ Отчеты о действиях Вологодского городского общественного банка за 1867–1903 гг. // Вологодские губернские ведомости. 1870. № 8; 1871. № 6; 1872. № 4; 1878. № 47; 1881. № 32; 1896. № 36; 1903. № 31.

¹¹ Государственный архив Вологодской области. Фонд 489. Вологодский попечительский совет о городских богадельнях. Оп. 1. Д. 9. Л. 25.

для мальчиков», открытое в 1876 году, и ремесленный приют (1889 год). За период деятельности общества наблюдался рост числа воспитанников с 29 (1876 год) до 72 (1901 год) человек. Принимались дети от 6 до 14 лет. Дети, проживавшие в Убежище, обучались там же, и лишь немногие (3–8 человек) имели возможность посещать городские школы. В ремесленном приюте дети обучались столярному и токарному делу. В 14 лет мальчики получали свидетельства, которые позволяли им работать подмастерьями. Денежные средства в первый период существования общества поступали от добровольных пожертвований, пособий Приказа общественного призрения, членских взносов, устройства спектаклей и лотерей, пособий от земств, городской думы, Управления Северными железными дорогами и т. д. К перечисленным средствам можно добавить капитал по духовному завещанию вологодского купца Ф.А. Варакина (3 листа 4% государственной ренты по 1000 рублей). В 1915 году доходы Вологодского женского благотворительного общества составили 18300 рублей 45 копеек. Расходы общества шли на содержание служащих – 23%, закупку продовольствия – 51%, одежды и другие нужды – 11%, а также на содержание зданий общества – 15%. Как свидетельствуют полученные данные, финансирование общества осуществлялось из разных источников: со стороны государства, органов местного самоуправления, общест-венности, предпринимательских кругов¹².

Особенностью эпохи «великих реформ» стало вовлечение в организованную общественную работу женщин, быстро занявших в ней свою нишу. Переход женского движения от салонной к организованной форме, ориентированной на помощь ближнему и взаимопомощь, выступил важным этапом в его развитии [35].

Активность женщин являлась характерной чертой общественного движения

и в Вологодской губернии. Они играли заметную роль как при открытии организаций, так и в процессе налаживания их повседневной практической работы, поиска источников финансирования. Функции социальной поддержки детей-сирот и беременных женщин выполняло Вологодское женское благотворительное общество, организованное в 1864 году. Целью общества являлось предоставление бесплатного приюта и медицинской помощи беременным женщинам из бедных слоев населения, призрение и воспитание детей-сирот, обучение повивальному искусству и прививанию оспы. В ведении женского благотворительного общества находились родовспомогательное заведение, повивальная школа и воспитательный приют для круглых сирот¹⁵. Помощью девочкам из малоимущих семей занималась повивальная школа, открытая в 1866 году. В ней девушки из малоимущих семей в течение 2-х лет обучались повивальному делу и выпускались со званием повивальных бабок 2-го разряда. Число учениц увеличилось с 3 (1866 год) до 22 (1914 год). Так как во многих уездах не было акушеров, то подготовку таких кадров трудно переоценить.

Заботой о детях-сиротах занимался Воспитательный приют для круглых сирот, открытый в 1871 году. Девочек и мальчиков воспитывали и обучали с младенчества до 10–12 лет, затем их определяли в ремесленные школы или в услужение. В детском приюте с 1874 по 1884 год ежегодно содержалось от 12 до 20 детей.

Вологодское женское благотворительное общество имело устойчивую финансовую базу. К примеру, в 1915 году его доходы достигали 18300 рублей 45 копеек¹⁴. Для справки: в начале XX века средний заработок рабочего составлял около 230 руб. в год, учителя начальной школы – около 400 руб. в год. На сельхозработах безлошадный крестьянин

¹² Государственный архив Вологодской области. Фонд 475. Вологодская городская управа. Оп. 1. Д. 114. Л. 20.

¹³ Отчеты Вологодского женского благотворительного общества за 1894 год. Вологда: Типография губернского правления, 1895.

¹⁴ Отчеты Вологодского женского благотворительного общества за 1915 год. Вологда: Типография губернского правления, 1916.

зарабатывал в среднем 33,5 коп. в день, а со своей лошастью – 67 коп. в день¹⁵. За полувековую деятельность (с 1864 по 1916 год) общество оказало помощь 19184 роженицам, обучило 216 учениц и воспитало 138 круглых сирот¹⁶.

Пореформенные годы были отмечены усиленным ростом обществ помощи развитию образования. Самыми массовыми по числу членов добровольными ассоциациями в этой области стали к концу XIX века общества для пособия бедным ученикам [36]. В губернии такие организации существовали при большей части начальных и средних учебных заведений. В частности, в 1898 году было создано Общество вспомоществования нуждающимся в народных (начальных) училищах г. Вологды с целью поддержки как обучающихся, так и учителей. Только в 1911 году за помощью в общество обратились 382 человека, из них 307 получили пособия: обувь, одежду, бесплатное питание в школьных столовых. В ведении общества находились детская библиотека, столовые при училищах, детские площадки¹⁷. В 1912 году обществом была устроена выставка школьного дела. Средства общества складывались (как у других обществ) из членских взносов, пособий городской и земской управ, доходов от спектаклей, концертов, добровольных пожертвований благотворителей (например, пожертвование в 1 тыс. руб. по духовному завещанию Е.Д. Камкиной). Общество получало пособия и от Министерства народного просвещения. Активными деятелями общества были ее многолетний председатель В.Н. Свешников, П.Ф. Клушин (казначей), К.И. Мазалев, А.А. Татаутин.

Отдельно следует выделить развитие такого направления гражданских инициатив в провинциальном пространстве, как оказание бесплатной медицинской помо-

щи местному населению. Важнейшую роль в Вологодской губернии в этом деле играло Общество врачей лечебницы для приходящих больных, созданное в 1873 году. Его деятельность была направлена на оказание пользы местному населению, местным общественным учреждениям и улучшение гигиенических условий жизни населения, что говорит о разнообразном характере деятельности. Капитал общества составляли добровольные пожертвования (в основном от купеческого сословия), субсидии от губернских и уездных земств. В 1882 году на счет общества было более 11 тыс. руб. За 35 лет существования, общества медицинскую помощь получили 211253 человека¹⁸. Такая плодотворная деятельность общества была возможна благодаря щедрой поддержке частных лиц, купцов А.Е. и Н.А. Волковых, Н.А. и П.А. Белозеровых, Ф.М. Леденцова, С.Н. Леденцовой и многих других.

В качестве еще одного направления социальной деятельности можно выделить помощь несовершеннолетним преступникам. В 1886 году было создано Вологодское исправительное общество земледельческих колоний и ремесленных приютов. В заведение поступали дети в возрасте от 12 до 18 лет. Срок их пребывания колебался от нескольких месяцев до пяти лет¹⁹. Функции этой общественной организации заключались в предоставлении несовершеннолетним преступникам хорошего питания, одежды, обуви, заботе о здоровье, то есть создании хороших условий жизни. Кроме того, задачей общества выступала помощь в профессиональном обучении несовершеннолетних преступников [37, с. 13–15].

Доходы общества можно разделить на четыре вида:

1) от общества, учредителей заведения и частных лиц (членские взносы, пожертвования частных лиц деньгами, вещами, продук-

¹⁵ Памятная книжка Вологодской губернии на 1915 год. Вологда, 1915. С. 3–71.

¹⁶ Отчеты Вологодского благотворительного общества за 1898, 1901, 1902, 1906, 1910, 1911, 1913, 1915 гг. Вологда: Типография губернского правления, 1899, 1902, 1903, 1907, 1911, 1912, 1914, 1916.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Государственный архив Вологодской области. Фонд 475. Вологодская городская управа. Оп. 2. Д. 120. Л. 2.

¹⁹ Памятные книжки Вологодской губернии на 1896–1897 гг. Вологда: Типография губернского правления, 1897. С. 77–78.

Рис. 2. Схема направлений деятельности общественных организаций в начале XX века (по материалам Вологодской губернии)

Источник: составлено авторами.

тами; от концертов и прочих предприятий; % с капитала общества, продажи ценных бумаг, тиражных операций);

2) от казны, правительственных и словесных учреждений (например, купеческое общество, ремесленная управа, мещанская управа), особое пособие от казны; пособия от Тюремного комитета; пособия и пожертвования общественных и правительственных организаций; от казны на продовольствие и одежду;

3) от заведения (от реализации продукции, производимой воспитанниками, огородничества и скотоводства, аренды земельных угодий);

4) случайные поступления. Около 70% доходов – от государства, 30% – от общества, его учредителей и частных лиц²⁰.

Выходя из приюта, воспитанники были готовы к самостоятельной жизни, способны обеспечить себе достойное будущее. Приют заменял воспитанникам семью, однако количество детей в приюте было незначительным, удавалось находить индивидуальный подход к каждому, поэтому деятельность общества оказалась весьма эффективной.

Особенностью развития общественного сектора в начале XX века на местах стал тренд на активную деятельность различных просветительских добровольных ассоциаций. В частности, в губернском городе особой популярностью пользовался Северный кружок любителей изящных искусств (основан в 1906 году), цель которого – распространение культуры на Севере,

в частности пропаганда искусства путем организации выставок и создания музеев. Планировалось также оказать помощь местным художникам, создать библиотеку и художественную школу, изучить местную старину и издать о ней исследовательские материалы. В 1920 году организация прекратила свое существование, ее коллекция и библиотека были переданы в Вологодский краеведческий музей²¹.

В целом к началу XX века в Вологде действовало 29 различных общественных организаций (из них 15 благотворительных, 6 религиозных и 6 культурно-просветительных, 2 научные и др.) [34], осуществляющих свою деятельность по разнообразным направлениям (рис. 2).

По данным Н.В. Фалина, в 1900 году численность населения г. Вологды составляла 28238 человек²², следовательно, в среднем на каждую тысячу вологжан приходилась одна общественная организация. Необходимо заметить, что в современный период в Вологодской области количество общественных объединений и некоммерческих организаций на 1000 жителей (2018 год) составляет в среднем 0,7 и 0,7 соответственно [38]. Различные добровольные ассоциации в губернии на начало XX века объединяли более 4 тыс. человек, в т. ч. в них входили почти все крупные купцы города и высшие чины администрации. Общества ежегодно публиковали в периодической печати отчеты о своей деятельности, в т. ч. финансовой [34].

²⁰ Памятные книжки Вологодской губернии на 1896–1897 гг. Вологда: Типография губернского правления, 1897. С. 77–78.

²¹ Непеин А. Северный кружок любителей изящных искусств в Вологде (к 10-летию со дня основания) // Русский экскурсант. 1916. № 2. С. 36–39.

²² Фалин Н.В. О численности населения г. Вологды в старину // Жизнь города. 1922. № 11 (март). С. 4–9.

Обсуждение эмпирических результатов

Проведенный анализ исторических материалов позволяет выделить наиболее существенные особенности деятельности добровольных ассоциаций на губернском уровне во второй половине XIX – начале XX века.

1. *Добровольные ассоциации и власть.* Деятельность добровольных общественных ассоциаций осуществлялась в тесной взаимосвязи с публичной властью: посредством ассоциированного участия решались социально значимые проблемы на местах, с которыми государство не справлялось самостоятельно. В то же время губернатору вменялось в обязанность осуществлять надзор за состоянием обществ: правильностью и систематичностью ведения отчетной документации, своевременностью предоставления информации об их капиталах, заведениях, составе и количестве призреваемых и т. д. Многие организации включали в состав чиновников губернской администрации, руководителей общественного и сословного самоуправления. В связи с этим есть основания утверждать, что ключевыми принципами деятельности общественных ассоциаций в те годы были одновременно добровольность, подчиненность и плотное взаимодействие с государственной властью, органами местного самоуправления, нормативно-правовая регламентация функционирования.

2. *Финансирование и функционал добровольных ассоциаций.* Общественные организации возникали и осуществляли свою деятельность при финансовой поддержке государства, органов местного самоуправления, церкви, общественности, предпринимательских кругов. Вместе с тем, как показал анализ исторических материалов, общественные организации той эпохи существовали не только на средства, полученные от государства, частные пожертвования и членские взносы, но и собственные доходы (к примеру, от реализации производимых продукции и услуг, % с капитала, продажи ценных бумаг, тиражных операций и т. д.). Устойчивая финансовая база позволяла добровольным ас-

социациям внедрять принципы многофункциональности – богадельни и различные общества одновременно могли выступать приютом для конкретных целевых групп, оказывать им материальную поддержку, организовывать для них обучение специальностям и просвещение.

3. *Субъекты ассоциированного участия.* Важнейшим субъектом реализации ассоциированного общественного участия в исследуемую эпоху являлась православная церковь: именно при церквях создавались и осуществляли свою деятельность богадельни. Активность предпринимательских кругов (купечества) составляла неотъемлемую черту общественной деятельности губернии и страны в целом. Представители купечества играли заметную роль как в открытии обществ, так и в организации их повседневной практической работы, финансировании. Кроме того, характерной чертой развития ассоциированного участия в Вологодской губернии, как и по стране, являлось вовлечение в организованную общественную работу женщин, быстро занявших в ней свою нишу и развивающих женские благотворительные общества.

Заключение

В Вологодской губернии, в первую очередь в городской среде, к началу XX века функционировала довольно обширная, разнообразная сеть общественных организаций, действовавших в области социальной защиты, образования и здравоохранения, развития культуры, просветительства, безопасности и др. Однако отсутствие демократических традиций в российском обществе приводило к тому, что, с одной стороны, правительство разрешало развитие гражданских инициатив, которые способствовали удовлетворению материальных и культурных нужд населения; с другой – власть опасалась роста социальной активности, распространения ценностей правовой культуры, гражданского долга и ответственности, что подрывало самодержавные устои. Не случайно в начале XX века по решению губернатора деятельность ряда общественных организаций в губернии была прекращена.

Резюмируя, хотелось бы отметить, что характерной особенностью организации деятельности добровольных ассоциаций на локальном уровне во второй половине XIX – начале XX века выступало внедрение принципов межсекторного взаимодействия (власть, коммерческий сектор, структуры

гражданского общества). На наш взгляд, это залог успеха развития гражданской самоорганизации. Изучение подобного опыта взаимодействия имеет теоретическое и практическое значение для выявления перспектив развития добровольных общественных ассоциаций (организаций) в современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшков М.К. К вопросу о социологии массовидных духовных образований (теоретико-методологический аспект) // Социологические исследования 2021. № 2. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250012674-4
2. Волков Ю.Г. Солидарная активность в российском обществе: креативные практики // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 41–48.
3. Шабунова А.А., Косыгина К.Е. Проблемы государственного управления развитием некоммерческого сектора на региональном уровне // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 86–103. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.6
4. Дмитриев М.Н. Дома трудолюбия. СПб.: Тип. т-ва «Общественная помощь», 1900. 95 с.
5. Буксгевден О.О. О совместной деятельности общественного призрения и организованной частной благотворительности. СПб.: Тип. А.И. Снегиревой, 1893. 530 с.
6. Гогель С.К. Объединение и взаимодействие частной и общественной благотворительности. СПб.: Тип. т-ва «Общественная помощь», 1908. 49 с.
7. Максимов Е. Законодательные вопросы попечения о нуждающихся. СПб.: Гос. тип., 1907. 57 с.
8. Горовцев А. Трудовая помощь как средство призрения бедных. СПб.: Тип. т-ва «Общественная помощь», 1901. 78 с.
9. Herman C.B. Russia. *Modern Methods of Charity. An Account of Systems of Relief, Public and Private, in the Principal Countries Having Modern Methods*. New York: Macmillan Company, 1904. 736 p.
10. Ford F.C. *Poor Laws in Foreign Countries*. London: William Heinemann, 1875. 490 p.
11. Хэфнер Л. Civil society, bürgertum и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в позднеимперской России // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 161–208.
12. Степановский А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. М.: Моск. гос. ист.-архив. ин-т, 1980. 96 с.
13. Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 77–89.
14. Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008. 328 с.
15. Щапов Я.Н. Благотворительность в дореволюционной России: национальный опыт и вклад в цивилизацию // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994. С. 89–94.
16. Ульянова Г.Н. Благотворительность и общественное призрение в России XIX – начала XX века в контексте формирования гражданского общества // Тр. Ин-та рос. ист. РАН 1997–1998 гг. Вып. 2. М., 2000. С. 164–217.
17. Барышников М.Н. Деловой мир России. СПб.: Искусство-СПБ; Logos, 1998. 448 с.
18. Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л.: Наука, 1991. 199 с.
19. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России: конец XIX века. М.: Наука, 1992. 190 с.
20. Туманова А.С., Сафонов А.А. Уставы общественных организаций в дореволюционной России // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2020. № 1. С. 112–136.
21. Тишкин Г.А. Женский вопрос в России. 50–60-е гг. XIX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 239 с.
22. Хасбулатов О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново: Иван. гос. ун-т, 1994. 135 с.

23. Lindenmeyr A. Public life, private virtues: Women in Russian Charity, 1762–1914. *Journal of Women in Culture and Society*, 1993, no. 18 (3), pp. 562–591.
24. Wang L., Graddy E. Social capital, volunteering, and charitable giving. *Voluntas*, 2009, vol. 19 (1), pp. 23–42.
25. Kiwan D. Conceptions of democracy, citizenship and diversity. *Education, Citizenship and Social Justice*, 2008, vol. 2, pp. 223–235.
26. Olson M. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Harvard University Press, 1971. Available at: <https://www.hup.harvard.edu/catalog.php?isbn=9780674537514> (accessed 15.02.2021).
27. De Tocqueville A. *De La Démocratie en Amérique*. Translated from French; foreword of Laski H.J. Moscow: Progres, 1992. 554 p.
28. Тарасова Н.В. Волонтерская деятельность как историко-педагогический феномен // Педагогическое образование в России. 2012. № 4. С. 48–51.
29. Гражданское общество в модернизирующейся России // Л.И. Якобсон [и др.]. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 60 с.
30. Волонтерство и благотворительность в России и задачи национального развития / В.Б. Беневоленский [и др.]; под ред. И.В. Мерсияновой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 120 с.
31. Внук-Липиньский Э. Социология публичной жизни. М.: Мысль, 2012. 536 с.
32. Якобсон Л.И., Санович С.В. Смена моделей российского третьего сектора: фаза импортозамещения // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 21–34.
33. Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. М., 2010. 419 с.
34. Коновалов Ф.Я., Панов Л.С., Уваров Н.В. Вологда, XII – начало XX века: краевед. словарь. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1993. 298 с.
35. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М.: РОССПЭН, 2004. 616 с.
36. Дьячков С.Л. Благотворительные общественные организации российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков. Ставрополь, 2005. 278 с.
37. Смирнова Н.С. Организация призрения нуждающихся в Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Вологда: ВоГУ, 2019. 79 с.
38. Уханова Ю.В. Гражданское участие как элемент демократии в российском обществе // Социальное пространство. 2018. № 2 (14). DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.5

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юлия Викторовна Уханова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ukhanova4@rambler.ru

Наталья Сергеевна Смирнова – кандидат исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет». Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: ns_history@mail.ru

Ukhanova Yu.V., Smirnova N.S.

THE ACTIVITY OF VOLUNTARY ASSOCIATIONS IN RUSSIA AT THE LOCAL LEVEL (THE EXPERIENCE OF THE RUSSIAN REGION OF THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY)

Civil self-organization at the local level is rightfully recognized as one of the most important non-material factors contributing to social development in the recent period. In order to understand the essence of this social phenomenon and the effective use of its potential, it seems useful to appeal to historical experience. The article is devoted to identifying the features of the activities of voluntary public associations in Russian society at the local level of the second half of the 19th – early 20th century. The work carries out the empirical analysis on the materials of the Vologda province: archival sources (the State Archive of the Vologda Oblast), published charters and reports of various voluntary societies, periodicals (Commemorative books of the Vologda province, Vologda Diocesan Bulletin). By means of the historical-comparative method, we have revealed that in the province, mainly in the urban environment, during the period under study, a fairly extensive, diverse network of voluntary associations functioned, whose activities were limited not only to helping the poor, the sick, the homeless, victims of natural disasters, etc., but also to the development of education, enlightenment and culture. Public organizations arose and carried out their activities primarily with the support of the state, local self-government authorities, and the Orthodox Church. In addition, local business communities played an important role in the development of associate participation. Thus, we have reasons to believe that the organization of the activities of voluntary associations in the field was based on the principles of intersectoral interaction (government, commercial sector, civil society structures). The study of such experience of interaction has theoretical and practical significance for identifying the prospects for the development of voluntary public associations (organizations) in contemporary Russia.

Voluntary association, civil participation, public assistance, charity, intersectoral interaction.

REFERENCES

1. Gorshkov M.K. To the issue of sociology of collective spiritual phenomena (theoretical and methodological aspect). *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 2021, no. 2, pp. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250012674-4 (in Russian).
2. Volkov Yu.G. Solidary activity in Russian society: Creative practice. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 2017, no. 2, pp. 41–48 (in Russian).
3. Shabunova A.A., Kosygina K.E. Public administration issues in the development of the non-profit sector at the regional level. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 86–103. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.6 (in Russian).
4. Dmitriev M.N. *Doma trudolyubiya* [Houses of Diligence]. Saint Petersburg: Tip. t-va “Obshchestvennaya pomoshch”, 1900. 95 p.
5. Buxhoeveden O.O. *O sovместnoi deyatelnosti obshchestvennogo prizreniya i organizovannoi chastnoi blagotvoritel'nosti* [About the Joint Activities of Public Charity and Organized Private Charity]. Saint Petersburg: Tipografiya A.I. Snegirevoi, 1893. 530 p.
6. Gogel' S.K. *Ob'edinenie i vzaimodeistvie chastnoi i obshchestvennoi blagotvoritel'nosti* [Association and Interaction of Private and Public Charity]. Saint Petersburg: Tip. t-va “Obshchestvennaya pomoshch”, 1908. 49 p.
7. Maksimov E. *Zakonodatel'nye voprosy popecheniya o nuzhdayushchikhsya* [Legislative Issues of Caring for the Needy]. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1907. 57 p.

8. Gorovtsev A. *Trudovaya pomoshch' kak sredstvo prizreniya bednykh* [Labor Aid as a Means of Charity for the Poor]. Saint Petersburg: Tip. t-va "Obshchestvennaya pomoshch'", 1901. 78 p.
9. Herman C.B. *Russia. Modern Methods of Charity. An Account of Systems of Relief, Public and Private, in the Principal Countries Having Modern Methods*. New York: Macmillan Company, 1904. 736 p.
10. Ford F.C. *Poor Laws in Foreign Countries*. London: William Heinemann, 1875. 490 p.
11. Hefner L. Civil society, bürgertum and "local society": In search of Analytical Categories for the Study of social and Social Modernization in Late Imperial Russia. *Ab Imperio*, 2002, no. 3, pp. 161–208 (in Russian).
12. Stepanovsky A.D. *Samoderzhavie i obshchestvennyye organizatsii Rossii na rubezhe XIX–XX vv.* [Autocracy and Public Organizations of Russia at the Turn of the 19th–20th Centuries]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi istoriko-arkhivnyi institut, 1980. 96 p.
13. Bradley J. Public organizations and the development of civil society in pre-revolutionary Russia. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* = *Social Sciences and Contemporary World*, 1994, no. 5, pp. 77–89 (in Russian).
14. Tumanova A.S. *Obshchestvennyye organizatsii i russkaya publika v nachale XX veka* [Public Organizations and the Russian Public at the Beginning of the 20th Century]. Moscow: Novyi khronograf, 2008. 328 p.
15. Shchapov Ya.N. Charity in Pre-Revolutionary Russia: National Experience and contribution to Civilization. In: *Rossiya v XX veke: istoriki mira sporyat* [Russia in the 20th Century: Historians of the World Argue]. Moscow, 1994. Pp. 89–94 (in Russian).
16. Ul'yanova G.N. Charity and public charity in Russia of the 19th – early 20th century in the context of the formation of civil society. In: *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN 1997–1998 gg. Vypusk 2* [Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences 1997–1998. Issue 2]. Moscow, 2000. Pp. 164–217 (in Russian).
17. Baryshnikov M.N. *Delovoi mir Rossii* [The Business World of Russia]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB; Logos, 1998. 448 p.
18. Anan'ich B.V. *Bankirskie doma v Rossii. 1860–1914 gg. Ocherki istorii chastnogo predprinimatel'stva* [Banking Houses in Russia. 1860–1914. Essays on the History of Private Entrepreneurship]. Leningrad: Nauka, 1991. 199 p.
19. Bokhanov A.N. *Krupnaya burzhuaziya Rossii: konets XIX veka* [The Big Bourgeoisie of Russia: The End of the 19th Century]. Moscow: Nauka, 1992. 190 p.
20. Tumanova A.S., Safonov A.A. Charters of voluntary associations in prerevolutionary Russia. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki* = *RUDN Journal of Law*, 2020, no. 1, pp. 112–136 (in Russian).
21. Tishkin G.A. *Zhenskii vopros v Rossii. 50–60-e gg. XIX veka* [Women's Issue in Russia. The 1850s–1860s]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1984. 239 p.
22. Khasbulatov O.A. *Opyt i traditsii zhenskogo dvizheniya v Rossii (1860–1917)* [The Experience and Traditions of the Women's Movement in Russia (1860–1917)]. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 1994. 135 p.
23. Lindenmeyr A. Public life, private virtues: Women in Russian charity, 1762–1914. *Journal of Women in Culture and Society*, 1993, no. 18 (3), pp. 562–591.
24. Wang L., Graddy E. Social capital, volunteering, and charitable giving. *Voluntas*, 2009, vol. 19 (1), pp. 23–42.
25. Kiwan D. Conceptions of democracy, citizenship and diversity. *Education, Citizenship and Social Justice*, 2008, vol. 2, pp. 223–235.
26. Olson M. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Harvard University Press, 1971. Available at: <https://www.hup.harvard.edu/catalog.php?isbn=9780674537514> (accessed: February 15, 2021).
27. De Tocqueville A. *De La Démocratie en Amérique*. Translated from French; foreword of Laski H.J. Moscow: Progres, 1992. 554 p.
28. Tarasova N.V. Voluntary activity as a historical phenomenon. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* = *Pedagogical Education in Russia*, 2012, no. 4, pp. 48–51 (in Russian).
29. Yakobson L.I. et al. *Grazhdanskoe obshchestvo v moderniziruyushcheysya Rossii* [Civil Society in Modernizing Russia]. Moscow: NIU VShE, 2011. 60 p.

30. Benevolensky V.B. et al. *Volonterstvo i blagotvoritel'nost' v Rossii i zadachi natsional'nogo razvitiya* [Volunteering and Charity in Russia and the Tasks of National Development]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019. 120 p.
31. Vnuk-Lipin'skii E. *Sotsiologiya publichnoi zhizni* [Sociology of Public Life]. Moscow: Mysl', 2012. 536 p.
32. Yakobson L.I., Sanovich S.V. Changing models of the Russian third sector: the phase of import substitution. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*=*Social Sciences and Contemporary World*, 2009, no. 4, pp. 21–34 (in Russian).
33. Mersiyanova I.V., Yakobson L.I. (Eds.). *Potentsial i puti razvitiya filantropii v Rossii* [Potential and Ways of Development of Philanthropy in Russia]. Moscow, 2010. 419 p.
34. Konovalov F.Ya., Panov L.S., Uvarov N.V. *Vologda, XII – nachalo XX veka: kraevedcheskii slovar'* [Vologda, 12th – early 20th Century: Local Historian Dictionary]. Arkhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993. 298 p.
35. Stites R. *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: feminizm, nihilizm i bol'shevizm, 1860–1930* [Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism 1860–1930]. Moscow: ROSSPEN, 2004. 616 p.
36. D'yachkov S.L. *Blagotvoritel'nye obshchestvennye organizatsii rossiiskoi provintsii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov* [Charitable Public Organizations Of The Russian Province In The Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Stavropol, 2005. 278 p.
37. Smirnova N.S. *Organizatsiya prizreniya nuzhdayushchikhsya v Vologodskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [Organization of Charity for the Needy in Vologda Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. Vologda: VoGU, 2019. 79 p.
38. Ukhanova Yu.V. Participation as an element of democracy in the Russian society. *Sotsial'noe prostranstvo*=*Social Area*, 2018, no. 2 (14). DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.5 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuliya V. Ukhanova – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ukhanova4@rambler.ru

Natal'ya S. Smirnova – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vologda State University”. 15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: ns_history@mail.ru